

Суламбек Мамилов
Сергей Тарасов

**Мят-Лоам,
священная гора**
(Киноповесть)

МОСКВА-МАГАС

2013

Предисловие

В истории любого народа бывают немеркнущие события в силу их значимости, величия либо трагизма. В истории ингушского народа к таковым по праву могут быть отнесены следующие. **Подвиг** ингушского полка “Дикой Дивизии”, защищавшего вместе с воинами других народов Великое Отечество – Россию от вторгшихся на его территорию вражеских войск могущественных государств Европы, нацеленных на уничтожение российского государства, захват его территорий и порабощение его народа в Первой мировой войне. В условиях нависшей над Родиной смертельной опасности воины – ингуши проявили в боевых сражениях героизм и величие духа, покрыли себя неувядаемой славой, показали всему миру свою беззаветную преданность Отечеству – России.

Столь же незабываемым в силу его трагизма, жестокости и бесчеловечности является **депортация** ингушского народа в феврале 1944 года, признанная мировым сообществом геноцидом.

К сожалению, эти исторические события недостаточно освещены в средствах массовой информации, особенно в кинематографе. При этом необходимо иметь в виду, что к теме депортации не может быть ослаблено внимание, поскольку гуманнейший закон Российской Федерации, прозванный народом “законом века”, все еще остается невыполненным.

Большой удачей авторов киноповести - выдающихся кинематографистов СССР и России Суламбека Маилова и Сергея Тарасова является блестящее воплощение двух названных выше исторических тем в одно художественное произведение, нити которых логически тесно пере-

плетены мастерством талантливых художников. Прочитав киноповесть, читатель приходит к непреклонному выводу: нельзя подвергать репрессии (депортации) целый народ, чьи сыновья верой и правдой служили не только своему маленькому Отечеству – Ингушетии, но и большой Родине – России, когда над ней нависла смертельная опасность в годы Первой и Второй мировых войн.

Подкупает своей правдивостью в киноповести суровая и жестокая картина первых часов изгнания энкавэдэшниками, в морозную зиму детей, женщин, стариков из родных сёл, домов в неведомый путь – депортацию. Так может написать лишь человек, переживший эту трагедию народа. Кинорежиссер Суламбек Мамиллов в возрасте шести лет сам был репрессирован вместе со своим народом.

Неизгладимое впечатление оставляет сострадание, помощь жертвам произвола властей – ингушам людьми других национальностей – русских (Евсеева), евреев (Беркович), которые, рискуя своими жизнями и жизнями близких, помогали жертвам репрессии – ингушам выжить. Это дорогого стоит!

Особо трогательной является беззаветная любовь ингушей к родным очагам, родной земле, символу Ингушетии – Мят-Лом, священной горе, к родным пепелищам! Это залог сохранения ингушской нации, и её государственности в составе России, дальнейшего расцвета её культуры и благополучия.

Создание художественного фильма на основе данной киноповести заслуживает серьёзной поддержки со стороны государственной власти и общественности, поскольку это будет способствовать единению народов России. А это основа и для стабилизации отношений в нашем многона-

циональном федеративном государстве, мира и процветания наших народов.

Бексолт Сейнароев,
Доктор юридических наук,
Профессор,
Заслуженный юрист Российской Федерации.

**К 100–летию «Дикой дивизии» и
70–летию депортации ингушей.**

*Детям и внукам нашим
посвящается*

Полковой оркестр играл торжественный марш. Ярко светило солнце, в лучах которого поблескивали падающие снежинки. Они таяли на застывших лицах суровых горцев «Дикой дивизии», конный строй которой объезжал Император Николай II. Впереди конницы стояла четкая шеренга спешенных горцев, предупрежденных о предстоящем награждении. Они были одеты, как и вся «Дикая дивизия» в серые черкески, черные бешметы и коричневые папахи, закутанные башлыками. На плечах – синие погоны с буквами «Ин», т.е. ингуши.

В отличие от своей свиты, сверкавшей позолотой, орденами, аксельбантами, царь был одет в обычную серую офицерскую шинель. Рядом с ним гарцевал на белом орловском рысаке Великий князь Михаил, брат царя, и командир «Дикой дивизии».

- Брусилов! – царь обернулся к одному из генералов, сопровождавших его. – А ведь, не зря я отдал тебе этих молодцов! Герои!

- Так точно, государь! - согласился Брусилов. – Во-евали отменно!

Царь повернулся к строю горцев и крикнул: - Здорово, орлы!

В ответ прогремело:

- Здравия желаем Ваше Императорское величество!

...Церемония награждения подходила к концу. У деревянного помоста, где на походном раскидном стуле сидел Император, окруженный свитой, стояла целая шеренга уже награжденных горцев «Дикой дивизии».

- Эгикалов! - зычно выкрикнул Великий князь Михаил.

Он взял с серебряного подноса, который держал в руках министр двора, Георгиевский крест и приколот его к груди поспешившего к нему горца.

- Таргимхоев,...

- Гвилетов,...

- Хамхинский...

- Джарахов...

...Скоро из шеренги стоявших перед строем «Дикой дивизии» горцев остался только один. Это был Идрис Ангуштов, атлетически сложенный, с коротко стриженной черной бородой сотник «Дикой дивизии». Его мы увидим и дальше в киноповести.

- Идрис Ангуштов! – выкрикнул Великий Князь и что-то шепнул на ухо царю.

Когда Идрис быстрым шагом подошел к помосту, царь встал со своего походного стула и взяв из рук Великого князя Михаила офицерский крест, приколот его к черкеске Идриса.

- За подвиг твой во имя России! – сказал государь Идрису. – Носи с честью! И пусть Господь хранит тебя и твой гордый народ.

- Служу Царю и Отечеству! - на одном дыхании выкрикнул Идрис.

Государь и вся его свита отдали честь награжденному, который тоже «взял под козырек» своей папахи.

Оркестр грянул «Боже, Царя храни!» ...

... Искрящийся снег летел из-под копыт лошадей джигитующих горцев. Царь и его свита любовались красочным зрелищем.

Ингуши, гордые тем, что на них смотрел сам государь, показывали блестящее мастерство владения конем и оружием.

Хотя Николая II было трудно удивить конными «забавами», поскольку он сам был отличным кавалеристом, но и он, и вся его свита заплодировали, когда только что награжденный Идрис Ангуштов на всем скаку двумя неуловимыми движениями шашки разрубил на четыре части подброшенное вверх яблоко...

МЯТ - ЛОАМ, СВЯЩЕННАЯ ГОРА

«Шел февраль 1944 года»...

Под перезвон курантов Спасской башни четко печатали шаг кремлевские курсанты.

(на этом фоне пойдут все вступительные титры фильма).

За сменой караула у мавзолея Ленина наблюдали несколько человек, среди которых был и наш герой – ингуш Кист Эрзиев.

Новенькая шинель, которую сшили ему при выписке из госпиталя, придавала Кисту подтянутый и бравый вид.

Капитанские звездочки на погонах поблескивали в лучах тусклого зимнего солнца. Закинув за плечо «сидор», Кист пошел к памятнику Минину и Пожарскому. Резкий сигнал автомобильного клаксона заставил его обернуться.

Мимо него проплыла огромная черная машина. Через ее боковое стекло Кист увидел знакомое ему по тысячам портретов, лицо человека в пенсне. Это был Лаврентий Павлович Берия.

Он словно почувствовал взгляд Киста и слегка повернулся.

Стекла его пенсне как-то зловеще блеснули...

Кист остановился, заморожено глядя вслед уехавшему черному автомобилю, который скрылся за воротами Кремля. Вдруг резкая боль ударила в голову, и возник какой-то однообразный тягучий звук, идущий откуда-то из глубин подсознания.

Эрзиев крепко сжал голову руками. К нему бросились двое прохожих.

- Что с вами? - взволнованно спросили они.

- Сейчас придет... - сказал Кист, - Контузия.

Кремль. Зал заседаний Политбюро ЦК ВКП(б).

Сталин стоит у окна, глядя как за окном идет снег, курит трубку, выпуская круги табачного дыма.

За кадром докладывает Берия.

- По первому вопросу сегодняшней повестки дня я, как основной докладчик, могу сказать следующее: первое - мы разослали секретный циркуляр об отзыве с фронта ингушей и чеченцев. Второе – в ликвидируемой Чечено-Ингушской Автономной республике по расчету численности спецпереселенцев требовалось для их перевозки 15 207 вагонов, то есть, потребность сокращена на 2 652 вагона. И все это только за счет уплотнения погрузки спецконтингента с 40 человек до 45 человек в вагоне, что при наличии почти 50% детей в составе спецпереселенцев вполне целесообразно. И еще, упразднение в эшелонах вагонов для багажа тоже сэкономило много подвижного состава.

- Но это же затруднит санобработку? – подал голос Калинин.

Наступила тишина.

Сталин, попыхивая трубкой, медленно отвернулся от окна и, скрипя своими ичигами, прошелся по залу.

Члены Политбюро, Ворошилов, Калинин, Каганович и Молотов, в напряженном ожидании следили за каждым движением Сталина.

- И третье, - продолжил доклад Берия. – На основе опыта перевозок карачаевцев, балкарцев и калмыков нами были проведены эти сокращения, что дало нам возможность значительно сократить потребность в подвижном составе. Предлагаю, товарищ Сталин, сэкономленные вагоны в количестве 2652 единицы отдать для нужд фронта.

Сталин остановился напротив Ворошилова и спросил:

- Товарищ Ворошилов... Клим, ты почему все время ерзаешь на стуле?

Ворошилов вдруг встрепенулся и, как провинившийся школьник, посмотрел на Сталина:

- Я сегодня новые сапоги одел, товарищ Сталин. Жмут, будь они неладны...

- Ты, Климентий, когда идешь на Политбюро, никогда не надевай новые сапоги, - произнес Сталин и, отвернувшись, прошагал со скрипом к своему столу, выбил пепел из трубки и глубоко задумался...

Сталин обвел взглядом всех членов Политбюро, пытаясь угадать, что думают они по этому архиважному вопросу. В их молчании он усмотрел согласие с Лаврентием Берия и, выпустив круги табачного дыма, дал «отмашку» рукой, которая решила судьбу сотен и сотен тысяч людей...

* * *

Вокзал времен войны - это непостижимое месиво сорванных с родных мест людей, нагруженных какими-то невероятными свертками, сумками, мешками, чемоданами, на которых, в ожидании поезда, едят, спят, живут неделями. Много военных, в основном демобилизованных, большинство из которых - покалеченные войной инвалиды.

Посадку на поезд до Орджоникидзе еще не объявили, и Кист зашел в вокзальный буфет.

Толстая официантка в засаленном белом переднике принесла Кисту нехитрую закуску. Перед стойкой, за ко-

торой расположился Кист, висело зеркало, и он видел все, что происходило у него за спиной. Рядом с Кистом стоял какой-то старичок, аккуратно чистивший вареное яйцо. Старичок взглянул на Киста и утвердительно сказал:

- Домой едешь!

И от этого услышанного от другого человека слова «домой» Кист вдруг впервые по настоящему осознал, что он действительно едет домой, что скоро обнимет родных и близких, увидит родной аул, родные горы.

Кист широко улыбнулся старику и сказал: - Домой!..

- Дай бог тебе счастья, солдат! - сказал старик.

- Спасибо, отец!

В углу буфета сидел на тележке с шарикоподшипниками вместо колес безногий моряк и, сопровождая себя на явно трофейном аккордеоне, надрывно пел «Раскинулось море широко». Перед ним лежала бескозырка, в которую проходившие мимо бросали, кто сколько мог.

И тут Кист заметил в зеркале вошедшую в буфет компанию из четырех человек: все - с косыми челками и в кепочках «малокозырках», сапоги—«прохаря» - гармошкой, походка - вразвалочку, глаза цепкие и наглые.

В зеркале Кист увидел, как один из них ловко и незаметно вытащил бумажник у стоявшего около столика пожилого человека в форме железнодорожника. Компания блатных прошла мимо него, как бы интересуясь, чем торгуют в буфете.

Праздничное настроение у Киста мгновенно улетучилось. На несколько секунд он, опустив голову, застыл, как перед броском. Потом снял с плеч «сидор», положил его на стойку и подошел к блатным.

- Верни человеку, что украл. - Тихо сказал он вору.

Блатные обступили Киста.

- Ты че лепишь? – угрожающе прошипел один из них.

- Вали отсюда! – добавил другой, толкая Киста плечом.

- Канай, пока жив! - сказал тот, что своровал бумажник, и показал Кисту лезвие финки, спрятанной в рукаве.

Последний из блатных встал у Киста за спиной. Резким движением, отточенным в сотнях рукопашных боев на фронте, Кист мгновенно вывернул у вора руку. Тот заорал от боли и выронил финку, которую Кист ногой отшвырнул к стене. Не оглядываясь, он наотмашь ударил ногой, в пах стоявшего за его спиной бандита. Тот рухнул без звука, как подкошенный, на грязный пол вокзального буфета. И тут к Кисту на помощь пришел безногий моряк. Его тележка с диким грохотом пролетела через весь зал буфета и сбила одного из воров. Свалившийся с тележки моряк мертвой хваткой вцепился в вора. Тот истошно завопил.

- Ах ты гад! - хрипел моряк, - Мы там умирали, а ты... ворюга...

Двух других воров «прихватили» несколько, невесть откуда появившихся военных.

Один из бандитов кинулся было бежать, но Кист ловко «подсек» его, и тот грохнулся прямо под ноги трем милиционерам, вбежавшим в буфет. Служители порядка видели начало драки через стеклянную перегородку, ограждавшую буфет, и поспешили вмешаться. Бандит, лежащий у ног милиционера, заорал:

- Убивают!

Пожилой милицейский старшина, еще по дороге доставший пистолет, грозно скомандовал:

- Всем стоять! Что происходит?

- Вот этот, - заскулил один из бандитов, показывая на Киста – Гад такой... Руку сломал...

Старшина, с трудом оторвавший моряка от его жертвы, посмотрел на стонавшего и корчившегося на полу вора, затем на другого, лежавшего рядом и еще не пришедшего в сознание, и только потом перевел взгляд на Киста.

-Документы! – потребовал старшина.

В это время один из бандитов хотел выскользнуть из буфета, но бдительный старшина остановил его:

- Стоять!

Теперь взгляды всех собравшихся в буфете были устремлены на Киста. Тот, отстегнув на груди несколько крючков шинели, засунул руку за пазуху и достал документы.

Старшина взял их и стал внимательно изучать.

- Так... Значит, товарищ капитан, вы из госпиталя? Домой? На побывку?...

Кист, вдруг побледнел и пошатнулся.

- Что с вами? - взволновался старшина. – Вам плохо? – и добавил весьма решительно. – Срочно в медпункт!

Кист отрицательно покачал головой и тихо попросил:

- Водички бы...

Старшина вернул Кисту документы, а сам подскочил к буфетчице, которая услужливо подала ему стакан воды.

Кист положил в нагрудный карман документы, затем ладонью вытер выступивший на лбу пот и на секунду закрыл глаза, словно преодолевая подступившую боль.

Старшина протянул Кисту стакан воды. Тот залпом выпил воду и, с трудом переводя дыхание, сказал:

- Черт! Проклятая контузия...

Старшина взял у Киста «сидор», - Я тебя провожу...

- А по сто грамм за победу? – вопросительно посмотрел снизу на Киста безногий матрос, но милицейский старшина сурово оборвал его: - У него поезд скоро... Пошли...

- А этих в КПЗ! - сказал старшина своим милиционерам, кивнув на карманников.

Милицейский старшина проводил Киста до вагона, крепко пожал руку, отдал честь и сказал:

- Счастливого пути, товарищ капитан!

- Спасибо, старшина! - отдавая честь милиционеру, сказал Кист.

Когда Кист скрылся в вагоне, старшина обратился к проводнице, стоявшей в тамбуре:

- Ты присмотри за ним... Это герой... Из госпиталя...

Прозвенел вокзальный колокол, прогудел паровоз, и мимо старшины проплыл вагон с табличкой «Москва – Орджоникидзе», потом проплыл второй, третий, четвертый.

И так, все убыстряясь в движении, промелькнул весь состав.

* * *

Стучали колеса, отмеряя километры пути. Почти всю дорогу Кист простоял в тамбуре, глядя через грязное закопченное окно на пробегающие мимо пейзажи, много курил. Ночью долго не мог заснуть, ворочался с боку на бок, вставал, шел в тамбур, опять ложился.

В самом конце пути Кист попросил проводницу:

- Завтра, если я просплю, разбудите меня в пять утра.

- Так рано? Мы ведь только в восемь будем в Орджоникидзе, - удивилась проводница.

- Хочу горы увидеть, - сказал Кист. – Три года ждал.

Но проснулся Кист сам еще до рассвета, быстро оделся и вышел в коридор вагона. За окном было темно, да и через закопченное стекло мало что можно было разглядеть. Тогда Кист взялся за поручень, приделанный к верху рамы, и, что есть силы, рванул его вниз. Рама опустилась, в вагон ворвался свежий зимний ветер, и в это же время Кист увидел на горизонте силуэты еще далеких гор.

Он полной грудью вдохнул морозный воздух, воздух своей родины. В глазах его стояли слезы.

Прибежала встревоженная проводница:

- Вам нельзя! Ведь зима! Продует!..

Кист обнял проводницу за плечи и сказал, показывая на одну из вершин хребта Цей-Лом, на его самую высокую и красивую вершину Мят-Лоам:

- Вот она Мят-Лоам - Столовая гора, наша священная гора.... Видишь, ее вершина плоская как стол, потому и называется Столовая гора.

Отблески восходящего солнца освещали кровавым светом лежащий на вершине снег, а скалистый хребет чем-то напоминал фигуру прикованного к скале человека. Сколько раз рассказывал Кист, бывший учитель, своим ученикам ингушскую легенду о Курюко, укравшем у богов огонь и принесшем его людям. Разгневанные боги приковали Курюко к скале, и каждый день насылали на него огромного орла, который клевал и разрывал острыми когтями грудь героя. Эту легенду Кист услышал от своего деда, когда был еще совсем маленьким. И только потом, когда пошел в школу и выучился читать, он узнал о Прометее...

И вдруг, перекрыв весь пейзаж и прервав мысли Киста, по соседнему пути с грохотом промчался эшелон, составленный из одних теплушек. За ним – третий, четвертый, пятый... Эшелоны все шли и шли с нарастающим грохотом, но шли они не в сторону фронта. И было что-то тревожное и бередящее душу в этом нескончаемом движении пустых теплушек.

* * *

Возвращение Киста домой праздновали скромно и тихо. Да и как тут будешь гулять и шуметь от радости, когда почитай в каждый дом за три года войны пришла похоронка, а то и не одна. Собрались только самые близкие родственники – человек пять стариков, Кист с женой Лоли, да пятеро сынишек, не сводивших восхищенных глаз с героя – отца, вся гимнастерка которого была увешена орденами и медалями.

Чинно пили калмыцкий чай с лепешками, старики вежливо расспрашивали про войну, рассказывали о сельских новостях. На огонек пришел сосед Киста – слепой Идрис, пустые глазницы которого скрывались за темными очками. Зрение он потерял еще на первой мировой войне, где за храбрость был награжден Георгиевским крестом. Только тогда Идрис был зрячим, и борода у него была черная, а не седая, как сейчас, но Георгиевский крест, как и тогда, красовался у него на груди. Идрис был теперь известным на всю округу балагуром и прекрасным музыкантом. Когда он играл на дахчан-пандыре, своего рода ингушской балалайке, казалось, что звучит целый оркестр.

Сначала Идрис «ублажил» стариков, сыграв грустную старинную мелодию. Те расчувствовались, повзды-

хали и стали вежливо прощаться, прекрасно понимая, что Лоли и Кисту не терпится поскорее остаться одним.

Когда старшие ушли, Кист достал выдавшую виды фронтовую фляжку и сказал:

- Давай, Идрис, помянем тех, кто не вернулся. По-нашему, по-военному.

- А есть чем? – живо заинтересовался слепой Георгиевский кавалер.

Кист налил в три стопки водку. Одну стопку отодвинул в сторону и накрыл кусочком лепешки. Идрис и Кист встали, не чокаясь, выпили, помолчали немного, как было положено по традиции.

Потом выпили еще по одной, но уже чокнулись, за здоровье товарища Сталина, потом выпили за Победу. На этом все запасы иссякли, и Идрис опять взялся за дахчан-пандыр.

- Ну, капитан, не забыл еще, как танцуют в нашем ауле? – сказал слепой и заиграл напевную танцевальную мелодию.

Кист пригласил Лоли на танец. В его движении было все: и любовь, и желание, и обещание счастья. Лоли сделала два круга и остановилась, прихлопывая в ладоши, давая Кисту возможность посолировать в танце. Кист сделал несколько лихих выпадов перед Лоли и, отдышавшись, сказал Идрису:

- Вот так, Идрис. А ты говоришь, забыл!

Скрывая боль, которая стальным обручем начала сжимать контуженую голову, он добавил: - Я выйду, покурю...

На улице Кист пришел в себя и подошел к Казбеку, овчарке, привязанной у своей конуры. Страшное дело -

пес все время выл и перестал только тогда, когда Кист потрепал его по лохматой голове:

- Ты чего, Казбек? Иль не рад, что я вернулся?

Верный Казбек лизнул руку хозяина, а когда Кист пошел к дому, пес опять завыл.

На крыльцо из дома вышел слепой Идрис со своим дахчан-пандыром. Он был заметно навеселе и, как всегда в такие моменты душевного подъема, напевал шутливую песенку времен «Дикой дивизии»:

«...Эх, яблочко, куды ты котишься?..

К ингушам попадешь, не воротишься...»

- Что это пес воет? - сказал Кист, подходя к крыльцу.

- Третий день подряд, - сказала Лоли, вышедшая провожать Идриса. - Никто не поймет почему.

- Может, чувствует что? - сказал Идрис, перестав брэнчать на своей балалайке.

- Соседи злятся, - сказала Лоли. - Спать не дает.

- Ничего, - сказал Кист. - Разберемся.

Затем обратился к спускающемуся с крыльца Идрису.

- Идрис, давай я провожу, а то, как ты один? Ночь ведь.

- Это для тебя ночь, - сказал Идрис. - А для меня, что день, что ночь - одна полночь... Ну а вам, молодым, счастья полон дом. Оставайтесь с миром.

Идрис, как зрячий, вышел на улицу.

Кист и Лоли стояли на крыльце и смотрели на горы, возвышавшиеся над аулом.

Из-за туч вышла луна, и снежные вершины засветились призрачным голубоватым светом. Внезапно собака перестала выть и спряталась в свою будку. На некоторое время над спящим аулом повисла мертвая тишина, кото-

рую подчеркивал мерный рокот шумевшего на дне ущелья речного потока.

- А завтра праздник! - сказал Кист, приобняв за плечи жену.

- У меня теперь каждый день – праздник! – сказала Лоли, страстно прижавшись к мужу.

- Да нет, - сказал Кист. – Завтра 23 февраля, День Красной Армии.

Так, не отпуская сцепленных рук, Кист и Лоли вошли в дом.

...Всю зиму в ущелье не было снега. Он пошел только сейчас, ночью 23 февраля 1944 года.

* * *

В доме Киста было темно. В детской комнате на тахте, на сундуке и на полу мирно посапывали ребятишки. Родители спали на металлической кровати с колесиками. На спинках кровати были блестящие никелированные шары, в которых отражался свет пригашенной керосиновой лампы.

Откуда-то слышался гул, он медленно нарастал. В буфете тихо зазвенела посуда. Гул все нарастал, посуда звенела все громче. Пронзительно скрипнула и сама отворилась дверца шкафа. Керосиновая лампа, стоявшая на глиняной подставке, мелкими толчками двинулась к краю стола и наконец свалилась на пол. От её грохота все проснулись, и из темноты раздался испуганный голос Лоли:

- Кто здесь?

В окно по-прежнему светила луна, а по улице с грохотом проносились тяжелые грузовики.

Лоли прильнула к окну и увидела, что около дома

остановился крытый брезентом «Студебеккер». Из него выскочили солдаты и офицер. Через секунду в дверь загрохотали прикладом. Кист бросился к двери, из-за которой кто-то кричал:

- Открывайте! Мать вашу! Быстро! НКВД!

Кист открыл дверь. В комнату ворвались офицер и несколько автоматчиков. Офицер, размахивая пистолетом, заорал:

- В доме взрослые мужики ещё есть?

- Только я, - сказал Кист. – А это – дети.

Он показал рукой на детей, с испугом выглядывавших из-под своих одеял.

- Одевайся! Поедешь с нами! – приказал офицер. – А ты быстро собирай детей! – обернулся он к Лоли. – Даю десять минут на сборы. – Ит минот!.. Он схлопнул две ладони: таким образом, показывая время, отпущенное на сборы.

- А в чем дело? – спросил Кист, надевая свою гимнастерку.

Офицер слегка опешил, увидев этот орденский «ико-

ностас» и капитанские погоны, но потом взял прежний тон:

- Вы пойдете с нами! Позже Вам всё объяснят!

И для убедительности он передернул затвор пистолета.

Ничего не понимающего Киста автоматчики не очень вежливо вытолкали из дома.

Лоли по-прежнему не могла сдвинуться с места, она словно остолбенела.

- Я сказал - быстро! - еще громче заорал офицер. – Мать вашу! Ты понимаешь русский язык? Десять минут! Ит минот!..

Солдаты сворачивали постели, выносили их и бросали в кузов грузовика.

Лоли, ничего не понимая, стала машинально собирать валявшиеся на полу осколки разбитой лампы.

Пожилой солдат, убедившись, что рядом нет офицера, быстро сказал Лоли:

- Брось ты это. Бери теплые вещи и еду. В Сибирь вас.... Всех выселяют! Поняла, глупая баба?

Лоли растерянно огляделась.

* * *

Конвоируемый двумя солдатами Кист вышел на улицу и увидел жуткую картину разгрома села. Он остановился и спросил:

- Что происходит? Куда мы идем?

Стоявший сзади солдат ткнул Киста в спину стволом автомата и зло скомандовал:

- Пошел, пошел!..

Второй конвоир тихо сказал своему напарнику:

- Ты полегче... Он же офицер...

- Офицер? – усмехнулся первый конвоир. – Знаем мы этих офицеров!..

Ну, уж этого Кист стерпеть не смог. Он, что есть силы, двинул конвоира по скуле. Тот грохнулся в придорожную грязь.

Второй конвоир сзади ударил Киста прикладом по голове...

Во дворе дома Киста стоял грузовик. В его кузове сидели закутанные в штопаные одеяла, шерстяные платки и старые пальто дети. Лоли, суетясь, носилась по двору, забегая то в сарайчик, то в дом, то в хлев. Она выносила оттуда какие-то узелки и бросала их в кузов машины.

Пожилой солдат бестолково бегал за ней следом и все торопил:

- Быстрее! Быстрее! Это брось! Надо тёплые вещи! Понимаешь, дурья башка? Понимаешь?..

Вернулся офицер в сопровождении двух солдат:

- Чего копаетесь? Поехали! - приказал он солдату-водителю.

Заревел мотор грузовика. Лоли подбежала к офицеру.

- А где мой муж? Куда его увели?

- Полезай в кузов, - заорал офицер.

Пожилой солдат помог Лоли забраться в кузов, дети прижались к ней. А она обхватила их руками и стала похожа на большую птицу, прячущую под крыльями своих птенцов.

Остервенело, лаял привязанный пес, протяжно мычала в хлеву корова.

Пожилой солдат вдруг бросился к засыпанному снегом стогу сена, стоящему около хлева.

- Назад! Ты куда? – закричал офицер расстегивая кобуру.

- Чего уж, товарищ лейтенант, - тихо сказал другой солдат. – Скотина ведь!

- Молчать! – огрызнулся офицер, но кобуру застегнул и вскочил на подножку грузовика...

* * *

Шёл мокрый снег. В большом ущелье волновалось целое море папах, а по краям, на возвышенных местах, стояли пулеметы. Около них – офицеры в форме НКВД и солдаты с собаками на поводках. Собаки охрипли от лая. Ниже, по всему периметру ущелья застыли солдаты с винтовками наперевес.

Стоявший около одного из пулеметов полковник НКВД Кобылов рассматривал в бинокль согнанных внизу горцев. Все они были для него на одно лицо, да ещё эти одинаковые папахи!

- Одни старики, - сказал полковник, поморщившись.

- Остальные на фронте, - доложил стоявший рядом с Кобыловым лейтенант.

Но вот бинокль Кобылова остановился: полковник увидел единственного горца, на коротко стриженной голове, которого не было папахи. Горец, одетый в гимнастерку с орденами и медалями, лежал на бурке, окруженный склонившимися над ним односельчанами.

- Нодман! – позвал Кобылов и показал стоявшему рядом лейтенанту на горца без папахи. - Кто это?

Нодман посмотрел в свой бинокль на заинтересовавшего его начальника горца.

- Не знаю, товарищ полковник! Наверное, кто-нибудь из бывших фронтовиков. Ингушей перед выселением отозвали с фронта.

- Бандиты они, а не фронтовики.

* * *

Склонившиеся над Кистом горцы старались привести его в чувство после страшного удара, нанесенного конво-

иром. На секунду Кист пришел в себя, но тут все опять поплыло у него перед глазами, и вновь возник странный тягучий звук, и пришла боль от контузии, страшная, всепоглощающая. Кист сжал голову ладонями, застонал и потерял сознание.

* * *

Надрывно воя моторами, по улице аула один за другим ползли тяжелые грузовики. Плач детей, лай собак, мычание надоенных коров, ржание перепуганных лошадей, короткие автоматные очереди, грубые окрики офицеров НКВД, рёв моторов и доносившиеся откуда-то издалека гудки паровозов – всё это смешалось в какую-то ужасающую симфонию апокалипсических звуков, которые поднимались к небу с низко плывущими облаками, окрашенными багровым заревом пожара, охватившего колхозную конюшню на окраине аула.

В одной из машин у заднего борта сидела Лоли с детьми, Она не заметила, что платок с ее головы сполз на плечи.

Лоли смотрела на родной дом, на родной аул, на родные горы и небо. Она безмолвно прощалась с ними, может быть навсегда. А горы и небо тоже прощались с ней, заглядывая в ее прекрасные темные глаза, в которых блестили слёзы.

У самого выезда из аула на крутом повороте узкой горной дороги водитель тяжелого «Студебеккера», совсем еще мальчишка, не справился с управлением, и машина, в которой была семья Киста, сорвалась в пропасть...

Все мужчины, стоявшие в оцепленном солдатами ущелье, видели это. Несколько человек, из согнанных в ущелье, бросились в рассыпную, стараясь проскочить мимо охраны.

- Стоять! Всем оставаться на местах! – заорал Кобылов. Он кинулся к «Максиму» и, оттолкнув пулеметчика, дал очередь над морем колыхавшихся под ним папах. Но это только подстегнуло разбежавшихся людей. К ним присоединились еще несколько человек, решивших, что стреляют по ним...

Собаки охраны, оскалив пасти, хрипло лая, рвались с поводков. И тогда Кобылов с перекошенным от страха и ненависти лицом заорал: - «Огонь!» - и сам первой очередью срезал нескольких горцев, заметавшихся в поисках спасения.

Со всех сторон ущелья загрохотали выстрелы, эхом отдаваясь в горах...

И вот уже на трупы своих товарищей упал последний горец...

По-прежнему шел снег, белым саваном накрывая расстрелянных.

- По машинам! - Срывающимся голосом закричал Кобылов и, обернувшись к трясущемуся от всего увиденного Нодману, заорал:

- Чего стоишь!? Я сказал по машинам!

Машины тронулись, вытягиваясь цепочкой на горной дороге. Колонну замыкал танк Т-34 и «Виллис», в котором рядом с водителем сидел полковник НКВД Кобылов, а на заднем сидении трое офицеров. Колонна проехала мимо

скалы, на поверхности которой выступали, словно слезы, капли воды.

Тусклое зимнее солнце спряталось за свинцовые тучи; по-прежнему шел мокрый снег...

* * *

Паровоз стоял под парами у платформы. Доски на ней были выщерблены, перила заржавели.

Состав из «телячьих» вагонов, бесконечной чередой вытянувшихся за паровозом, был оцеплен автоматчиками. Вторую линию охраны составляли солдаты, державшие на поводках злющих псов.

В полуразбитые, грязные выгоны загоняли людей: женщин с детьми, беременных, стариков и старух, слепых и увечных.

Повсюду крики, плач, ругань, мат охранников, лай собак.

Все это слилось в жуткую какофонию.

Но, двоих офицеров НКВД, прогуливавшихся по платформе, казалось, не замечали всего этого. Они вели беседу неторопливо и спокойно, словно мирные дачники в ожидании своей электрички.

С грохотом задвинуты и закрыты на засов двери первого от паровоза вагона, потом второго, третьего и так все подряд, до последнего. Пронзительно прогудел паровоз, лягнули буфера вагонов, и состав тронулся, медленно удаляясь от станции.

Скоро он превратился в еле заметную точку, а потом и вовсе исчез. И тогда к платформе подали другой состав, а на дороге показалась новая колонна грузовиков со спецпереселенцами.

* * *

Над опустевшим аулом кружила стая ворон. Одна из них села на труп какой-то собаки, пристреленной солдатами, и каркнула, словно призывая остальных к пиру. Но тут на нее, оскалив клыки и громко лая, бросился сорвавшийся с цепи Казбек. Стая ворон с шумом и карканьем поднялась в воздух.

Пес помчался по дороге туда, куда грузовики увезли всех жителей аула.

Около места, где упал в пропасть «Студебеккер», пес остановился и завыл. Потом он стал спускаться по обрыву вниз.

* * *

Казбек лизал мертвое лицо Лоли и мальчиков, скулил и лаял, словно просил дорогих ему людей очнуться от страшного сна.

Потом пес сел и завыл тоскливым волчьим воем, словно запел поминальную песню. После Казбек выбрался из ущелья и помчался по дороге.

* * *

Пес остановился у входа в ущелье, заваленного трупами, и опять завыл. Потом насторожился, почувствовав что-то, и бросился в ущелье.

Из-под нескольких трупов он вытащил Киста, стал лизать его лицо. Кист, наконец, очнулся и открыл глаза. С ужасом он смотрел на лежащие вокруг трупы, заслонившие его от пуль. Потеряв сознание, когда погибла его семья, он не видел того, что произошло в ущелье, но все понял.

* * *

Слепой Идрис выбрался из стога сена, где проспал всю ночь в обнимку со своим неразлучным другом, дахчан-пандыром. Его разбудил порыв холодного ветра. Стерев, заскорузлой рукой мокрый снег, попавший на его лицо, он зачем-то протер и темные очки, «для прочности» перевязанные замусоленной веревкой.

Вчера, после праздника у Киста, он «обошел» еще нескольких своих знакомых, где тоже выпивал за Родину, за Победу, и теперь с некоторым удивлением обнаружил, что провел ночь в стогу сена около дома Киста.

Даром что слепой, Идрис ориентировался в знакомом пространстве как зрячий.

- Казбек! – позвал он собаку, но в ответ не услышал привычного приветственного лая.

Тогда Идрис поднялся на крыльцо дома и тихо позвал:

- Кист!.. Выпить осталось?...

В ответ - гробовая тишина. Идрис почесал в затылке и философски заметил:

- Да, у них дело молодое.... Сколько мужик жену не видел... ладно, отсыпайся, герой...

Он вышел на улицу и побрел по ней, сворачивая к домам тех односельчан, у которых надеялся опохмелиться – маленький муравей в разоренном и опустевшем муравейнике.

Добравшись до крайнего дома, стоявшего у самого леса (это было, судя по вывеске, лесничество), Идрис окликнул хозяина:

- Беркович!

На крыльцо выскочил насмерть испуганный пожилой человек в форме лесничего и, схватив Идриса за руку, быстро затащил его в дом.

* * *

- Ты чего? – удивился Идрис.

- Тебе удалось? – испуганным шепотом спросил Беркович. – Сбежал?

- Откуда? Ты чего?.. – опять удивился Идрис.

Беркович суетливо забежал по комнате:

- Ведь утром... всех ваших... Кого в ссылку, кого из пулемета....

- Как из пулемета?.. Как в ссылку? – никак не мог взять в толк Идрис. – За что?..

Беркович вдруг перестал бегать, сел на стул, сжавшись в комочек, и стал раскачиваться, словно читал про себя какую-то молитву.

- Ты чего молчишь? – спросил Идрис.

- А что говорить? Конец света, апокалипсис.... Твое счастье, что слепой и не видел этого...

Идрис своим невидящим взором уставился куда-то в угол с неммым вопросом на лице.

На какое-то время в комнате повисла мертвая тишина, которую подчеркивало ритмичное тиканье висевших на стене «ходиков».

Беркович тихо встал, подошел к деревянному комоду открыл ключом дверцу и достал «чекушку» водки. Затем он вернулся к столу, поставил перед Идрисом граненый стакан, отковырял сургуч, которым была залеплена картонная пробка водочной бутылки, налил до краев в стакан и пододвинул к Идрису.

Идрис обернулся на звук, нащупал стакан и, хотя ему очень хотелось опохмелиться, отодвинул от себя водку и сказал:

- Нет, Беркович, ты мне скажи, ты же умный еврей, в городе жил, студентов учил... Объясни, мне, слепому ингушу, за что?.. Вот так, целый народ.... Ведь мы – ингуши - всегда верой и правдой служили России...

И Идрис провел рукой по своему Георгиевскому кресту.

- Ты бы лучше снял его, - сказал Беркович и добавил. – Из дома не выходи, я тебя в подполе спрячу. Может, пересидишь, а там...

И сам не веря в «светлое будущее» только махнул рукой и сказал:

- Выпей, может, полегчает.

А Идрис вдруг встал, выпрямился и, прихватив свой дахчан-пандыр, пошел к выходу.

Беркович загородил ему дорогу:

- Ты куда?.. Убьют!..

- А... кому нужен слепой.... И зачем я, если нет моего народа? Честь имею! – сказал Идрис, вспомнив свою офицерскую молодость, и, осторожно отстранив Берковича, вышел из дома.

Беркович опять сел на стул и, закрыв глаза, стал раскачиваться, словно читал про себя молитву.

На столе стоял нетронутый граненый стакан водки.

* * *

Гремел полковой оркестр. На центральной площади аула вокруг памятника Сталину были выстроены войска. Над зданием сельсовета висели красные флаги и транспарант: «Да здравствует 23 февраля, День Красной Армии и Военно-морского флота!»

Темные облака нависли над аулом, пережившим трагедию. Падал мокрый снег и таял на шинелях солдат. В покинутых хозяевами дворах бляели некормленные овцы, мычали недоенные коровы, лаяли и выли голодные собаки, которых не успели отвязать угнанные хозяева. Лица выстроенных на площади солдат были угрюмы.

Разбрызгивая перемешанную со снегом грязь, к крыльцу сельсовета подкатили два «Виллиса». Из одного вышли полковник НКВД Кобылов и генерал в общевойсковой форме, из другого – двое молоденьких офицеров. Они несли коробочки с медалями. От группы стоявших у полкового знамени офицеров к генералу промаршировал строевым шагом командир полка и отрапортовал:

- Товарищ генерал! Пятый стрелковый полк для торжественного митинга в честь Дня Красной Армии построен!

Генерал обратился к собравшимся с речью:

- Товарищи! Наша доблестная Красная Армия под мудрым руководством нашего вождя и Верховного Главнокомандующего Иосифа Виссарионовича Сталина громит немецко-фашистскую нечисть и успешно продвигается на Запад. До полной победы...

* * *

Казбек привел Киста к тому месту в ущелье, где погибла Лоли и дети. Разбившихся солдат уже убрали, а трупы ингушей оставили на месте, только сложили в ряд и накрыли старым дырявым брезентом.

В ужасе закричал Кист. От его крика зашатались горы и стало темно. Но это ему только казалось. Вместо крика из груди Киста вырвался только сдавленный хрип. Все поплыло у него перед глазами...

Не издав ни звука, пес кинулся к небольшому переlesку, где уже собралась оголодавшая за зиму волчья стая. При виде огромной овчарки волки бросились врассыпную. Казбек вернулся к Кисту и сел поодаль, словно не желая мешать тому проститься с семьей.

Кист лег лицом вниз на трупы жены и детей и широко раскинул руки, словно в последний раз хотел обнять их всех, всех вместе...

Кист не помнил, сколько он так лежал. К действительности его вернул пёс. Он подошел к хозяину и лизнул его в щеку теплым шершавым языком. Кист поднялся, взял на руки тело Лоли и понес его через ручей, бежавший по дну ущелья в горы. Собака пошла было за хозяином, но Кист сказал:

- Жди здесь! Охраняй!

Пес послушно вернулся и сел около трупов мальчиков.

* * *

...В ауле по-прежнему бляели в загоне некормленные овцы, мычали недоенные коровы, выли сидевшие на привязи голодные собаки, и продолжался митинг.

-... Да здравствует наш любимый вождь и учитель, организатор и вдохновитель всех наших побед товарищ Сталин! Ура! – закончил свою речь генерал.

- Ура-А-А! – поддержали его солдаты.

Место генерала занял полковник Кобылов:

- Товарищи! Славные воины непобедимой Красной Армии! От имени наркома внутренних дел Лаврентия Павловича Берия я уполномочен поздравить вас с Днем Красной Армии и передать благодарность за образцовое выполнение правительственного задания. Наиболее отличившиеся будут награждены высокими правительственными наградами. И еще, Нарком просил сказать, что этих бандитов и выроdkов, продавшихся немцам, вы больше не увидите, как своих ушей!

Кобылов перевел дыхание и продолжил.

- А теперь разойдись! Гуляйте, братцы, до утра! Никто вас не осудит. А это – еще один подарок от товарища Берия!

Кобылов показал рукой на грузовик, из которого солдаты выгружали ящики с водкой, а потом вдруг замерли...

* * *

По дальней улице аула, выходящей на площадь, почти строевым шагом, смачно разбрызгивая грязь, шел сле-

пой Идрис. Он во всё горло пел, аккомпанируя себе на дахчан-пандыре песню времен «Дикой дивизии»:

*...Пушки мы разбили
Заразом от души,
Вся Россия знаем
Джигиты ингуши...*

На груди Идриса сверкал начищенный до блеска Георгиевский крест.

Солдаты приготовившиеся было выполнить команду «Разойдись», замерли, увидев шагающего с песней слепого Идриса Ангуштова. Остолбенел даже генерал, а Кобылов так и остался стоять с открытым ртом...

Из репродуктора, установленного на телеграфном столбе, по всему аулу разносились лихие военные песни – шла трансляция праздничного концерта.

Идрис продолжал свой путь и ещё громче пел, пытаясь перекричать радиотрансляцию концерта.

*...Рано утром на рассвете
Полк в атаку поведут,
А быть может на рассвете,
Нас на бурках принесут...*

- Это что за явление? – буквально ошарашенный увиденным и услышанным, спросил Кобылов у Нодмана.

Тот, склонившись к начальственному уху, доложил:

- Слепой это... Местная ингушская знаменитость – Идрис Ангуштов. Служил в «Дикой дивизии», говорят «Геоorgia» ему сам Николашка навесил. Он у нас давно под подозрением....

- Стоять! – крикнул Кобылов Идрису. Слепой остановился и замолк.

- Поди сюда! – приказал Кобылов.

Идрис не шелохнулся.

Над площадью лилась из репродуктора песня «... Просыпается с рассветом вся советская страна...»

- Арестовать! – взорвался вдруг Кобылов... - Арестовать врага народа!..

Нодман со своими подручными подскочили к слепому.

- Ах ты сволочь! – Нодман сдернул со слепого темные очки и все увидели его пустые глазницы, сплошь покрытые синими пороховыми крапинками...

- Белогвардейщина! – Нодман сорвал Георгиевский крест с груди слепого, швырнул крест в грязную жижу из чернозема и талого снега, и стал топтать его, приговаривая: - Сволочь, белобандит, крестonosец хренов....

Идрис Ангуштов вдруг напрягся, перехватил гриф дахчан-пандыра в правую руку и как когда-то своей лихой шашкой, с «оттягом» и характерным выдохом, рубанул Нодмана по голове своим дахчан-пандыром. Тот рухнул в грязную жижу, как подкошенный.

Пандыр разлетелся на куски, но Идрис мертвой хваткой держал в руке то, что от него осталось. Он замер, стараясь по звукам понять, откуда ждать нападения. Полуголодного Нодмана подняли из грязи и под руки повели к «Виллису».

Взбешенный Кобылов приказал:

- Лейтенанта в медсанбат, а этого... - он не находил слов, - А этого – за сарай и расстрелять, как бешеную собаку!...

Несколько энкаведешников схватили слепого и потащили за ближайший сарай.

Народ на площади безмолвствовал. Трансляцию праздничного концерта прервал голос диктора:

- Внимание, слушайте речь Верховного Главнокомандующего Иосифа Виссарионовича Сталина.

В это время за сараем раздалась автоматная очередь, отчего с крыши вспорхнула стая черных ворон...

Энкаведешники вышли из-за сарая, повесили на плечо автоматы и встали в строй.

Спокойный с легким кавказским акцентом голос Сталина прозвучал из репродуктора:

- Товарищи красноармейцы! Братья и сестры! Поздравляю вас с Днем Красной Армии и Военно-морского флота...

То, что произошло потом, было настолько невероятным и неожиданным, что по толпе на площади пронесся тяжелый вздох.

Из-за плетня, за которым стоял сарай, вышел слепой Идрис. Он был весь в черной грязи, перемешенной с красной кровью. В руке Идрис держал обрубок дахчан-пандыра...

А из репродуктора, висевшего на столбе, по-прежнему по всей округе разносилась спокойная, неторопливая речь Сталина. Но людям, стоявшим на площади, было не до речи верховного главнокомандующего. Все их внимание было приковано к Идрису.

Он стоял, прислонившись спиной к плетню, и читал сам себе «Ясин»... отпевал себя.

И тогда Кобылов с перекошенным от ненависти лицом заорал:

- Ах ты ублюдок... Жить хочешь, белобандит!

Он бросился к стоявшему рядом энкаведешнику,

выхватил у него автомат и разрядил в Идриса весь «рожок»...

От каждого выстрела тело Идриса содрогалось, и он, шатаясь, отступил назад. И уже мертвый повис на плетне, раскинув руки и запрокинув голову, словно распятый.

Речь Сталина, звучащая из репродуктора, шла к завершению:

- Да здравствует Ленинская Коммунистическая партия - организатор и вдохновитель всех наших побед! Ура, товарищи!

- Ура-А-А! – не очень дружно поддержали его на площади.

Кобылов швырнул раскаленный автомат в снежную жижу и приказал:

- Труп слепого не убирать!.. Пусть видят недобитые выродки – так будет с каждым, кто не выйдет к нам добровольно!

Мокрый снег падал на лицо Идриса, из уголка рта сочилась кровь...

А над горами, подхваченный эхом, прошелся какой-то странный звук, словно кто-то задел струну пандыра...

* * *

Утро. Вышло солнце, и его первые лучи упали на «Солнечный могильник».

Кист опустился на колени около барельефа орла-Эрзи, вырубленного на одном из камней могильника. На груди орла было стилизованное изображение солнца.

Кист положил голову на небольшой выступ, который, словно алтарь, был расположен под барельефом орла. Кист будто молился или мысленно разговаривал с покро-

вителем рода.

Когда он поднялся с колен, взгляд у него стал жестким, как у человека, принявшего суровое решение.

Лежавший рядом Казбек тоже встал и смотрел на хозяина, готовый в любую минуту выполнить его приказ.

Орел кругами парил над горами. Кист в сопровождении пса спустился в разрушенный безжизненный аул, вошел в свой дом.

Казбек лег на крыльце у входа в дом...

Кист стоял на пороге своего дома, не в силах сделать следующий шаг. Он застыл на месте, только из широко раскрытых глаз текли слезы. Перед ним, как в киноленте, пробежали годы его детства. Он вспомнил, как его провожали из этого дома на фронт, вспомнил своих детей и жену – красавицу, Лоли...

...И тут Кист услышал рёв, крики, хрип, невообразимый лай собак и беспорядочную стрельбу.

От воспоминаний Кист вернулся к действительности, подскочил к окну и, спрятавшись за занавеской, стал наблюдать за улицей.

Мимо дома солдаты гнали стадо коров, баранов овец и коз. Замыкал шествие «Виллис», в котором сидели Кобылов, Нодман, молоденький лейтенант – энкаведешник с рацией и солдат-водитель.

«Виллис» скрылся за поворотом.

Кист отошел от окна, поднял валявшуюся у порога бурку и несколько раз встряхнув её, набросил на плечи.

Потом он взял стоявший у двери топор и прошел в угол комнаты. Там он оторвал доску в полу и вынул из тайника старинный кинжал и наборный серебряный пояс...

Закутанный в бурку и в черной лохматой папахе на голове Кист вышел из дома и, спрятавшись за плетнем, выглянул на улицу. Верный Казбек встал рядом с хозяином.

Выждав некоторое время, Кист в сопровождении Казбека подкрался к сельсовету. У его дверей стоял «Виллис». Водитель спал, уронив голову на руль.

Кист осторожно взял лежавший на заднем сидении автомат и тихо сказал Казбеку, показав на водителя:

- Охраняй!

Пес сел около «Виллиса», не сводя с водителя глаз.

Кист подошел к двери в сельсовет, открыл ее.

...В одной из комнат расположились энкаведешники. На письменном столе стояли открытые банки американских консервов и бутылка водки, а в углу, прямо на полу, горел небольшой костер, над которым молоденький лейтенант жарил на вертеле курицу. Кобылов и Нодман с забинтованной головой сидели в кожаных канцелярских креслах около стола. Кобылов диктовал Нодману:

- Совершенно секретно. Наркому внутренних дел СССР товарищу Берия. Только для ваших глаз. Ввиду нетранспортабельности и в целях неукоснительного выполнения в срок операции «Горы» вынужден был ликвидировать более пятисот спецпереселенцев. Подпись – полковник Кобылов. Записал?

- Так точно! – ответил Нодман.

- Тогда наливай, - распорядился Кобылов. – За это и выпьем!

- Башка трещит. – Нодман поправил на голове повязку. – Как бы сотрясения не было, ... Я бы всех этих ингу-

шей утопил в Каспийском море, сказал Нодман, разливая по стаканам водку: - Дешево и сердито!

- Сами передохнут, - ухмыльнулся Кобылов и, чокнувшись с Нодманом, выпил. – Ни одного не останется.

Не успели они закусить, как дверь распахнулась, и в комнату вошел высокий человек в бурке с автоматом в руках.

- Оружие на стол! - тихо сказал он.

Энкаведешники трясаясь от страха, выполнили команду. Они покорно сложили свои пистолеты на стол.

Кист подошел к столу, разрядил два пистолета, положив обоймы себе в карман. Когда он взял третий пистолет, то его внимание привлекла именная табличка на рукоятке «Полковнику Кобылову Б.З. За мужество и храбрость Л. Берия!»

Кист долго смотрел в лицо Кобылова, словно хотел навсегда запомнить его, потом медленно поднял пистолет и навел его прямо в лоб Кобылову. Тот от страха закрыл глаза. Кист резко перевел пистолет и, не целясь, выстрелил в гипсовый бюст Сталина, стоявший в углу комнаты на покрытой красным ситцем тумбочке. Бюст разлетелся на мелкие кусочки.

Кист вышел из комнаты, прихватив пистолет Кобылова.

* * *

На улице Кист увидел, что ситуация в «Виллисе» не изменилась. Водитель, разбуженный выстрелом, уже не спал, но сидел смирно под охраной Казбека.

- Выходи! - приказал солдату Кист.

Водитель, еще плохо соображая спросонья, вылез из машины, опасливо поглядывая на Казбека.

Кист скинул бурку на заднее сидение «Виллиса», потом взял автомат, лежавший рядом с солдатом, вынул рожок и забросил его через дорогу в чей-то двор.

А солдат, увидев «иконостас» на груди Киста и капитанские погоны, замотал головой, словно прогоняя прирезившееся ему видение, и спросил:

- Вы кто?

- Дед Пихто. – ответил Кист.

Он отдал разряженный автомат солдату и сел за руль «Виллиса», показав Казбеку на место рядом с собой. Пес запрыгнул в машину.

- Прости солдат! - сказал Кист нечего не понимающему водителю.

Взревел мотор, и «Виллис», разбрызгивая грязный снег, промчался по главной улице аула и исчез за поворотом дороги.

Только тогда из сельсовета выскочили Кобылов, Нодман и лейтенант – радист.

- Где он? – заорал на водителя Кобылов. – Где машина?!..

- Товарищ полковник! – перепуганный и сбитый с толку солдат не знал, как оправдываться. – Но ведь он капитан, и наград полная грудь.

- Какой капитан, какая грудь?! – бушевал Кобылов.

- Который машину взял! И собака...

- Какая, к черту, собака?!

- Огромная!

- Идиот! Он был в бурке!

- А за руль сел, бурка – то мешает, он ее и снял. Я и увидел – капитан.

- Бандит он, а не капитан! – прорычал Кобылов.

- Кто ж это мог быть? – в раздумье сказал Нодман.
- Чего гадать попусту. – Кобылов обернулся к лейтенанту. – Надо связаться со штабом. Говорить буду я!

* * *

Они зашли в сельсовет. Лейтенант достал переносную рацию, которая преспокойно стояла в углу, за креслом, и стал ее настраивать. А солдат бросился тушить костер, в котором догорала курица.

* * *

Два солдата медленно шли по дороге, которая тянулась вдоль реки, с ревом мчавшейся по дну ущелья.

На рукавах солдат были повязки с надписью «патруль». Они конвоировали парнишку лет пятнадцати, который шел впереди них.

- Может, отпустим? – сказал один из солдат. – Жалко пацана.

- Куда, дурья башка? – рассердился второй. – Кругом теперь ни души. Пропадет ни за что.

- И так пропадет, вздохнул первый.

- Может, не пропадет. Все же свои вокруг будут, - сказал второй, но уверенности в его голосе не было.

- Во жизнь... - первый в сердцах плюнул на дорогу.

Они проходили мимо прилепившегося к основанию горы домика.

Один из солдат остался стоять на дороге сторожить парня. Другой, крадучись, зашел в дом, осмотрелся. В очаге теплился огонь и висел котелок с каким-то варевом. В углу шевельнулась занавеска.

- Выходи!- крикнул солдат. – Стрелять буду!

Из-за занавески вышла девушка лет шестнадцати, остановилась посреди комнаты, не поднимая глаз. Солдат даже присвистнул, так хороша она была.

* * *

Кист еще издалека заметил двух солдат, конвоировавших девушку и парнишку. Солдаты шли беспечно, винтовки несли на плече.

«Виллис» притормозил около них. Солдаты, увидев Киста, вытянулись «в струнку».

- Кого ведете? – спросил Кист.

- Да вот, товарищ капитан, ингуши, которые на выселение. Небось, последние – доложил один из солдат. – Остальных еще вчера отправили.

- Я их сам доведу куда надо, - сказал Кист приказным тоном. – Садитесь в машину!

- А вы, - приказал он солдатам – Осмотрите окрестности. Может еще кого найдете...

Паренек и девушка покорно сели на заднее сиденье, и «Виллис» скрылся за поворотом дороги, петлявшей вдоль ущелья.

- Баба с возу – кобыле легче! – философски заметил один из солдат, глядя вслед машине.

* * *

- Вам нечего бояться – сказал по-ингушки Кист ребятам.

- Вы ингуш? – удивилась девушка.

- Да. Меня зовут Кист.

- Я – Берс – сказал парнишка.

- Меня зовут Сати, - проговорила девушка.

- Родственники? – спросил Кист.

- Нет, - сказал Берс. – Я из Лежги.

- А я из Гули, - тихо произнесла Сати.

- Нас скоро будут искать, надо сбить их со следа, - сказал Кист и, по отлогому склону съехав с дороги, направил машину прямо в реку. Здесь она была мелкая, и «Виллис», подпрыгивая по донным камням, пересек водный поток. Не выезжая на берег, Кист остановил машину.

- Выбирайтесь на берег по камням. И бурку захватите. Вон у того валуна, - Кист показал на обросший мхом камень, - начинается тропинка, поднимайтесь по ней. Я вас скоро догоню.

- Казбек, пойдешь с ними! – сказал Кист.

Пес первым покинул машину и, прыгая по камням, перебрался на берег, почти не замочив лапы. Там он спокойно уселся, всем видом показывая, что ждет остальных.

Берс, несший бурку, и Сати повторили его путь не так быстро, но тоже благополучно.

«Виллис» Киста задним ходом переехал через реку в обратном направлении и выбрался на дорогу точно в том месте, где он с нее съезжал.

Проехав немного вперед, Кист остановил машину. Здесь дорога резко поворачивала вправо и шла вдоль обрыва глубиной метров в пятьдесят.

Кист задним ходом отъехал назад, немного разогнался, оставляя на грязном снегу тормозной след. Так он проделал несколько раз, доведя след почти до обрыва. Потом он по своей же колее задним ходом отъехал метров на сто назад.

Здесь он постоял немного, еще раз «просчитав» то, что нужно было сделать.

Заревел мотор, и машина рванулась вперед. Кист открыл дверь и выпрыгнул из «Виллиса» за несколько секунд до того, как тот улетел в пропасть. С трудом спустившись с обрыва в месте падения «Виллиса», который взорвался от удара, Кист запрыгал по камням, перебираясь на противоположный берег реки. Вскоре он догнал Берса и Сати. При виде хозяина Казбек приветливо помахал хвостом.

* * *

Преследователи не заставили себя долго ждать. Вскоре недалеко от места, где Кист встретил Берса и Сати, остановился набитый автоматчиками «Студебеккер» и «Виллис» с Кобыловым, Нодманом и радистом. Рядом с водителем сидел один из солдат, «прошляпивших» пленников.

- Вот здесь этот капитан догнал нас и сказал, что сам... - начал было объяснять солдат, но Кобылов перебил его:

- Идиоты! Это же бандит, абрек!

- Но он был в форме и капитан, – не сдавался солдат.

- У них даже офицеры – бандиты! – орал Кобылов. – Все они бандиты! Весь народ!

Нодман, внимательно смотревший на дорогу перебил Кобылова:

- Дальше идет след только одной машины. Это его «Виллис»! Больше тут никто не ездил. Найдем этого абрека по следам.

- Вперед! – скомандовал Кобылов и машины медленно двинулись по дороге.

В это время запищала рация, лейтенант надел наушники и переключился на прием:

- Первый на связи. Прием!

Выслушав сообщение, он сказал в микрофон:

- Вас понял. Конец связи.

Сняв наушники, лейтенант доложил Кобылову:

- Все подтверждается. Это капитан Эрзиев, разведчик. На фронте с сорок первого по сорок четвертый. Отличился в боях за Брест, Сталинград, на Курской дуге, под Киевом. Тяжело контужен. После госпиталя отозван из армии и отправлен домой. Житель аула Эрзи. Семья погибла при депортации.

- Смотрите! – крикнул Нодман. – Судя по следу, он тут затормозил, но поздно.

«Виллис» остановился. Кобылов и Нодман подошли к краю пропасти, где обрывались следы машины и с опаской посмотрели вниз. На дне глубокой пропасти догорали остатки «Виллиса».

- Тут костей не соберешь, - с удовлетворением отметил Нодман. – Будем считать, что дело закрыто!

Кобылов, задумчиво глядя на остатки «Виллиса», сказал Нодману:

- И все-таки организуй засаду у его дома. Человека три – четыре. Вдруг жив. Тогда ищи волка у его логова.

- Слушаюсь, товарищ полковник! – взял под козырек Нодман.

* * *

В расположенной высоко в горах пещере, вход в которую охранял пес, горел костер, вокруг сидели Кист, паренек и девушка.

Было видно, что девушка и паренек смертельно устали, у них смыкались глаза.

Кист встал, взял бурку и расстелил ее в углу пещеры.
- Ложись, - сказал Кист девушке.

Та благодарно посмотрела на него и прилегла на бурку. Кист прикрыл ее полой и кивнул парнишке. Тот, молча, лег рядом с Сати. Кист снял с пояса свой кинжал и положил между ними, рядом пистолет Кобылова и две запасные обоймы.

- Я уйду, - сказал он. - Если что - стреляй. Знаешь как?

Парнишка кивнул головой, но на большее у него не хватило сил. Через мгновение Берс и Сати спали.

По знаку Киста подошел пес, пристроился рядом со спящими, охранял.

Кист снял все ордена и медали, чтобы не звенели, положил их под бурку и вышел из пещеры.

Вечерело, солнце садилось за соседнюю гору, и прямо на глазах ее склон менял свой цвет.

Такое необыкновенное зрелище можно увидеть только в горах.

* * *

В стороне от дороги, ведущей в аул, на возвышенном месте было кладбище. По тропинке, проложенной к нему от дороги щуплый Беркович, то и дело, останавливаясь, чтобы перевести дыхание, из последних сил тащил тачку, на которой лежал труп Идриса.

Берковича пугала ночная темнота, скрип тачки, ожидание чего-то страшного, но он не отступал и упрямо поднимался по тропинке со своим печальным грузом.

Из-за туч вышла луна и осветила надмогильные камни, как изваяния, торчащие на возвышенности.

Наконец, добравшись до кладбища, Беркович достал из тачки, на которой привез труп Идриса, лопату и заступ и начал рыть могилу...

* * *

Кист спускаясь по тропинке к селу, еще издалека услышал стук заступа и заметил на кладбище силуэт какого-то человека. Он подкрался поближе и спрятался за каменным надгробием. Отсюда ему хорошо был различим человек рывший могилу. Кист узнал Берковича и вышел из-за могильного камня, за которым прятался.

Беркович онемел от страха, увидев появившегося из ночной темноты человека, но потом узнал Киста и вздохнул с облегчением.

- Кист, тебя везде ищут.... Ко мне уже приходили, ... - осипшим голосом произнес он.

- Пусть ищут, – сказал Кист и подошел к тачке. Он долго молча смотрел на труп Идриса. Потом, не говоря ни слова, взял у Берковича заступ и продолжил рыть могилу...

... Скоро на кладбище появился свежий могильный холмик...

Кист сел на корточки у изголовья могилы Идриса, подняв руки к небу, ладонями вверх. Его губы беззвучно шептали какую-то молитву.

Печальный Беркович стоял молча, опершись на заступ, а потом сказал, словно разговаривая с самим собой:

- «Не оскверняйте земли, на которой вы будете жить; ибо кровь оскверняет землю, и земля не иначе очищается от пролитой на ней крови, как кровью пролившего её...» Так сказано в Библии...

* * *

Словно тень Кист проскользнул в родной аул и пробрался в свой дом. В комнатах было довольно светло из-за яркой луны, заглядывающей в окна. Он нашел в шкафу старое одеяло и стал собирать в него всякие вещи, которые могли пригодиться Берсу и Сати. В другой узел он положил свой ситцевый бешмет, суконные шаровары, ичиги, барашковую шапку. Потом Кист еще раз огляделся, снял со стены семейную фотографию и спрятал ее в узел. Заметив, что остановились «ходики», он запустил их.

Бросив прощальный взгляд на родное пепелище, он вышел из дома.

* * *

Первые лучи солнца осветили вершины гор, когда нагруженный узлами Кист подходил к пещере.

- Здравствуй, - сказал Кисту сидевший у входа в пещеру Берс. Он вскочил, подбежал к Кисту и забрал у него узлы. Казбек тоже, виляя хвостом, подбежал к нему.

- Живи долго, сынок, - поздоровался Кист. – Где Сати?

- Там, - показал парнишка. – У ручья.

Кист посмотрел в ту сторону, куда показывал Берс, и увидел Сати, стиравшую у ручья одежду. Увидев Киста, девушка помахала ему рукой.

Кист вошел в пещеру, оделся в свою национальную одежду, принесенную с собой, и подпоясался наборным поясом, к которому подвесил старинный кинжал. Превращение было разительным, словно воскрес кто-то из грозных воинов старинного рода Эрзи.

Он взял гимнастерку с орденами, свернул ее, обмотал кисеей, вышел из пещеры и зажмурился от яркого солнечного света.

- Я скоро вернусь, - сказал Кист Берсу и, заметив, что пес собирается провожать его, добавил. – А ты Казбек, останешься здесь. Пес улегся около Берса, словно никуда раньше и не думал идти.

* * *

Кист шел по тропе, которая вела к «солнечному могильнику». Когда он добрался до места, солнце стояло совсем высоко. Кист подошел к могильнику, отвалил у основания квадратный камень. За ним открылась небольшое углубление. Кист положил туда завернутую в кисею гимнастерку с наградами и завалил углубление камнем.

Орел с высоты своего полета бесстрастно наблюдал за ним.

* * *

Вечером, когда беглецы сидели у костра, разведенного в пещере, Кист, после долгого молчания, сказал:

- Я сам слышал, что наш народ обрекли на смерть, поэтому я обвенчаю вас. Подрастете и станете мужем и женой. Вы последние из ингушей и не дадите исчезнуть нашему роду.

Он внимательно, словно заглядывал в их будущее, смотрел на Берса и Сати. Те молчали, как замороженные глядя на него, постепенно постигая горький смысл его слов.

- Ваши родители сделали бы то же самое, - тихо сказал Кист. – Хотя по обычаю парень может жениться только тогда, когда его борода сравняется с усами.

Кист встал, подошел к стене пещеры и взял горев-

шую как факел лучину – бага и сказал: - Идите за мной...

Кист с факелом в руке, Сати и Берс спустились по тропинке к источнику. Он бил прямо из углубления в каменной плите, лежавшей у подножия горы.

Кист воткнул факел в расщелину сланцевой плиты, закатал рукава бешмета, произнес молитву и трижды по локоть обмыл руки ледяной водой, потом снял папаху, трижды обтер темечко мокрыми руками и также ополоснул лицо водой из источника.

Затем Кист поднял руки ладонями вверх и произнес вполголоса молитву-дуа: «О, Всевышний Всевидящий, Всемогущий! Закрываю пред ликом твоим брачный союз Сати и Берса. Небо, горы, вода и земля отцов наших, призываю вас в свидетели этого брачного союза, чтобы возродился мой народ, беря начало в чистом чреве этих юных ростков, как возрождаются по весне эти леса, эти горы и эти поля... Аминь». Кист продолжил молитву шепотом. Потом он набрал в ладони воду из источника, повернулся и протянул ладони с водой к «молодым». Те по очереди пригубили её. Кист плеснул остатки воды на все четыре стороны и сказал:

- В день, когда тебе исполнится семнадцать лет, ты, Берс, должен взять Сати в жёны. Аминь!

- Зачем ты повенчал нас заранее Кист? Семнадцать мне будет только через год, - спросил Берс.

- Если меня убьют, кто тогда будет вашим свидетелем, кто вас повенчает? – вопросом на вопрос ответил Кист.

Они молчали, глядя на прятавшуюся за гору луну.

* * *

Пусто было в брошенных домах, на горных пастбищах. Один ветер гулял по омертвевшим аулам. Странно и страшно выглядела эта безжизненная земля для переселенцев из России и соседних республик, которых бросила сюда злая воля «вождя всех народов».

* * *

Аул, в котором раньше жила семья Киста, тоже было решено заселить. И вот настал день, когда на его площади остановились нагруженные домашним скарбом машины с переселенцами.

Энкаведешники собрали их в зал сельского клуба.

«Операцией» руководил Нодман, бывший уже в чине старшего лейтенанта. Он поднялся на сцену и сказал:

- Товарищи переселенцы! Поздравляю вас с прибытием на новое место жительства.

... Зал молчал. Лица переселенцев были хмуры, на Нодмана смотрели настороженно.

- Жилье будете занимать по списку, вывешенному на крыльце. Там указан номер дома и фамилия его нового хозяина. Должен предупредить, что здесь, в горах, прячется опасный абрек Кист Эрзиев. Любое пособничество ему – преступление перед советским народом, и будет караться по всей строгости наших законов, - сказал Нодман.

- А как понять, он это или другой? – спросил один из сидящих в зале стариков. – Все они тут у вас на одно лицо.

- На крыльце висит листовка с его фотографией и приметами, - ответил Нодман.

* * *

Люди выходили из клуба, останавливаясь около доски объявлений, на которой висела листовка с портретом Киста. Рядом – список переселенцев и номера их домов. Тут же висела какая-то газета и плакат с изображением Сталина. Под ним – лозунг: «Пусть живет в веках дело Ленина – Сталина!»

Одна из женщин, лет тридцати пяти, вела за руку маленькую девочку, закутанную в рваный пуховый платок. Они остановились около доски объявлений. Женщина внимательно изучила листовку и сказала, вздохнув:

- Принесла нас нелегкая.

- Принесла? А нас кто спрашивал, хотим ли? – спросил стоящий рядом Беркович. И, кивнув в сторону листовки с портретом Киста, продолжил:

- Этот абрек, между прочим, капитан Красной Армии, разведчик... Защищал Брестскую крепость, затем Сталинград, Курская дуга... При форсировании Днепра тяжело контужен...

Испуганно оглядевшись по сторонам, женщина тихо сказала:

- Вы, дядечка, того ... поостереглись бы...

И заспешила с дочкой по улице искать свой дом.

* * *

- Вот здесь, Дашенька, мы теперь и будем жить, - сказала она девочке, когда они остановились около одного из домов.

Проходившая мимо переселенка завистливо вздохнула:

- Завидую тебе, Евсеева. Прямо хоромы!

- На чужом горе и пепелище счастья не построишь, - ответила Евсеева.

- А куда ж нам теперь деваться? – развела руками переселенка.

- Некуда, - согласилась Евсеева. – А у тебя что, развалюха?

- Да нет, - ответила переселенка. - Дом ничего. Только разорен больно.

* * *

Под вечер Кист осторожно, с оглядкой подошел к аулу. Над крышами домов уже кое-где поднимался дымок, светились окна.

Шел дождь, и Кист накрыл голову мешком, делавшим его похожим на средневекового монаха. Да и лицо под таким «капюшоном» было надежно скрыто.

Мимо него проехали грузовики, которые привезли переселенцев. Но теперь в них сидели энкаведешники, проводившие эту «операцию».

На всякий случай Кист подошел к уже знакомому нам стенду у сельсовета. Он закрывал Киста со стороны дороги, по которой ехали грузовики, так что видны были только его ноги. Прямо перед глазами Киста оказалась передовая статья, республиканской газеты. И он невольно стал читать ее: «В начале 1944 года в жизни нашей республики произошли крупные исторические события. Благодаря постоянным заботам большевистской партии, лично товарища Сталина, территория нашей республики увеличилась до 50%...»

Смысл статьи потряс Киста, и он сказал сквозь зубы:
- А мы – за Родину! За Сталина!

Скоро грузовики исчезли за поворотом дороги, и Кист пробрался к ближайшему сараю. В углу его была сопетка, где хранилась кукуруза.

Кист снял свой мешок и стал накладывать в него початки. Вдруг закрипела дверь, и на пороге дома появились Евсеева с дочкой.

- Ой! - только и сказала малышка, увидев Киста.

На секунду воцарилась напряжённая тишина.

- Небось, это твой дом? – наконец спросила Евсеева.

- Нет, - по-русски ответил Кист.

- Мама, - вдруг сказала девочка, - Это же дядя с картинки.

- И впрямь, - обмерла Евсеева и в испуге прижала к себе девочку.

Кист бесстрастно посмотрел на нее, закинул мешок с кукурузой на плечо и вышел.

Скоро он скрылся в горах.

Евсеева и ее дочка долго смотрели ему в след.

- Дашенька, - сказала Евсеева девочке, - никому не говори, что мы видели этого дядю. Хорошо?

- Хорошо, - сказала девочка. – Я понимаю.

- Умница, - сказала Евсеева. – А то и этому дяде и нам с тобой будет очень плохо.

* * *

В пещере горел огонь. Здесь во всем чувствовалась хозяйская женская рука. Сати, ухватившись за деревянную ручку, крутила каменный жернов, периодически засыпая кукурузу в круглое отверстие на камне. Нижний камень жернова был неподвижен, с него тонкой струйкой сыпалась кукурузная мука.

Никто не знал, кто и когда внес эти жернова в пещеру. Этой ручной мельницей пользовались чабаны и случайно попавшие сюда на ночлег люди.

Кист и Берс недалеко от пещеры собирали черемшу, ползая на четвереньках.

С шумом взлетел из своего гнезда на вершине скалы орел. Далеко внизу появились машины с энкаведешниками. Заворчал пес, и Кист с Берсом скрылись в пещере.

- Из пещеры не выходить! Костер затушить! Я отвлеку их, ждите! – сказал Кист и, прихватив автомат, выскользнул из пещеры. Снаружи он завалил вход в пещеру ветками и сухим хворостом.

* * *

Орел парил над горами.

Цепь солдат и, шедший за ними, Кобылов, поднимались все выше по ущелью.

Вдруг кто-то крикнул:

- Вот он!

Маленькая фигурка Киста стояла на уступе горы совсем с другой стороны ущелья, там, откуда его никак нельзя было ожидать.

Цепь солдат развернулась и двинулась в к нему.

Кист стал быстро подниматься в гору и вдруг внезапно исчез, словно сквозь землю провалился.

- Теперь не уйдет! – со злобной радостью сказал Кобылов. Он достал пистолет и крикнул на все ущелье:

- Быстрее! Вперед! Взять живым!

Выбившиеся из сил солдаты уже тяжело дышали. Это сказывалось кислородное голодание. Но они упорно под-

нимались к вершине, плотным кольцом опоясывая гору.

Отставший Кобылов зашел за огромный валун, вложил пистолет в кобуру и стал расстегивать галифе, собираясь справить нужду.

И вдруг за спиной чей-то тихий, но для Кобылова прозвучавший как выстрел голос произнес:

- Руки!

Кобылов медленно поднял руки и еще медленнее, словно боясь увидеть что-то ужасное, обернулся.

Перед ним с автоматом в руке стоял Кист.

Кобылов прочитал в его глазах свой смертный приговор. У него затряслись губы, и он почувствовал, как теплые струйки побежали по его ногам. Он обмочился от страха.

Кист с презрением посмотрел на мокрые галифе Кобылова, на его жалкое лицо.

- Мразь! – сказал Кист и, вынув У Кобылова из кобуры пистолет, бросил его в пропасть.

Кобылов упал на колени. Не в силах выговорить ни слова, он только хватал ртом воздух, словно задыхался.

- Товарищ полковник!- донесся издалека чей-то голос. – Где Вы? Товарищ полковник!

Кобылов, цепляясь за кустарник, отползал назад, и тот же ужас был в его глазах, и так же тряслись от страха его губы. И, вдруг, поскользнувшись на влажном, скользком валуне, он сорвался в пропасть...

Кист повернулся и пошел вниз. Скоро он пропал из виду. Как будто растворился среди камней.

- Товарищ полковник! – уже рядом прокричал подбежавший радист-лейтенант. – Где Вы? А мы Вас обыскались.

Тут лейтенант замолчал, увидев фуражку Кобылова и помятый кустарник в том месте, где сорвался в пропасть полковник.

Лейтенант-радист закричал:

- Ко мне!

И трехкратное эхо разнеслось по ущелью.

На крик сбежались энкаведешники во главе с Нодманом.

- Что случилось? – прохрипел испуганный Нодман.

- Товарищ полковник сорвался в пропасть... Вот его фуражка...

Нодман, находясь в прострации от услышанного, стоял привалившись к камню, словно у него не было сил оторваться от него.

- Товарищ капитан! – взяв под козырек, доложил радист. - Срочная телеграмма из центра.

Лейтенант достал из планшета бланк телеграммы с грифом «Правительственная» и прочитал торжественно и громко:

- Полковнику Кобылову Богдану Захаровичу: «За решительные действия в ходе выполнения операции «Горы» вы представлены к Правительственной награде с повышением в звании. Поздравляю. Нарком внутренних дел СССР Л.Берия».

Наконец, Нодман сделал какое-то невероятное усилие (так потрясла его гибель Кобылова), оторвался от камня и выпрямился:

- Играйте отбой... Спускаемся вниз... Надо найти и достойно похоронить генерала...

- Чего стоите? - вдруг взорвался Нодман. – Упустили его! Опять упустили!..

* * *

Кист вернулся к пещере, убрал ветви прикрывавшие вход в пещеру и, не входя в нее, окликнул:

- Берс, Сати!..

Из пещеры показались Берс и Сати в сопровождении Казбека.

Прихватив из пещеры все, что можно было унести, они тронулись в путь.

Первым шел Кист, за ним Сати и Берс, замыкал шествие Казбек...

* * *

Такой облавы на человека горы еще не видели. Энкаведешниками были прочесаны все подозрительные места. В воздухе вели наблюдение У-2, которые летали, почти касаясь верхушек деревьев. Дороги и горные тропы были перекрыты усиленными нарядами. Все было тщетно. Проклятый абрек как сквозь землю провалился.

После провала операции прямо в поле собрался небольшой военный совет, на котором присутствовало несколько офицеров.

- Я этого проклятого абрека все равно поймаю и на куски разрежу, - сказал руководящий облавой полковник. – Нутром чую, это Эрзиев, больше некому.

- Мы ловим сетью комара, - усмехнулся Нодман. – Так он всегда проскочит у нас сквозь пальцы.

- А что ты предлагаешь? - спросил полковник.

- Ведь он спускается вниз. Ему нужен хлеб, еда. Значит, около каждого аула нужно установить скрытые посты, - сказал Нодман. – В конце концов, он попадетсЯ.

* * *

Туман по-прежнему закрывал ущелье и расположенный в нем аул. Тусклое утреннее солнце еле пробивалось сквозь густую белую завесу. Какая-то темная фигура возникла, как призрак, из этого тумана и проскользнула мимо сарая к дому.

Потом послышался тихий стук в оконное стекло.

На некоторое время наступила мертвая тишина, потому что все отдаленные шумы заглушал туман. Спустя некоторое время, кто-то вновь постучал в окно.

Это был Кист. Наконец, в окне показалась Евсеева. Она увидела Киста и невольно вздрогнула от неожиданности. Потом ее лицо в окне исчезло, и вскоре раздался тихий скрип открываемой двери. Евсеева, набросив на плечи платок, вышла в ночной рубашке на крыльцо. К ней подошел Кист. Они о чем-то поговорили, после чего Кист исчез, как и появился, в тумане, а Евсеева ушла в дом.

* * *

В полуразрушенной башне под каменным сводом, кутаясь в бурку, сидели Берс и Сати. Рядом, наострив уши, лежал Казбек.

Он первый встрепенулся, когда услышал голос Киста, подававший условный знак.

Берс выглянул из башни, тут же из тумана появился Кист и сказал:

- Собирайтесь... Спускаемся вниз в аул к русским переселенцам... там одна женщина согласилась принять вас. Идемте, пока не рассвело... Весь аул в тумане на наше счастье...

* * *

Евсеева проснулась, посмотрела на висевшие на стене «ходики».

Было четыре часа утра. Она встала, быстро оделась. Дочка заворочалась в своей кровати, открыла глаза. Евсеева поцеловала ее:

- Спи. Еще рано.

Девочка послушно закрыла глаза, прижав к себе тряпичную куклу, на плоском лице которой химическим карандашом были нарисованы глаза, рот и нос. Евсеева перекрестилась на образ, висевший в «красном» углу дома и вышла на крыльцо.

Три темные фигуры и собака возникли из тумана и поднялись на крыльцо. Евсеева провела их в дом. Казбек улегся на крыльце.

* * *

В доме Евсеевой было тепло и уютно. За столом, накрытым белой скатертью, сидели беглецы, с любопытством озираясь по сторонам. Было тихо, только было слышно как в соседней комнате тикали «ходики». Первая тишину нарушила Евсеева:

- Давайте знакомится. Меня зовут Мария Сергеевна, а вас как зовут? Вы брат и сестра?

Кист ответил вместо молодых:

- Это Сати, а это Берс. Они не родственники. Я сам слышал, что наш народ обрекли на смерть. Поэтому я обвенчал их у святого источника. Подрастут и станут мужем и женой. Мы последние из ингушей, и они не дадут исчезнуть нашему роду...

Евсеева тяжело вздохнула, смахнула слезу:

- Господи, что же это делается!

Она заспешила на кухню, принесла хлеб и кринку молока.

- Ешьте, ребятки!

Кист взглянул, как жадно дети набросились на еду и посмотрел на Евсееву:

- Я понимаю, Мария Сергеевна, какому риску Вас подвергаю, но у меня нет другого выхода. Они сделали меня вынужденным абреком, как пишут они в листовках расклеенным повсюду.

- А кем Вы были в прошлой жизни? – вдруг спросила Евсеева. – До войны?..

- Учителем в школе, - сказал Кист. – Потом армия, погранзастава, фронт...

Опять помолчали. Тикали «ходики».

- А как же Вы? Куда теперь?.. Вас везде ищут, - внимательно посмотрела на Киста Евсеева.

- На фронт, к своим боевым товарищам... Там все ясно и понятно, кто трус, кто герой. Там воюют с врагом, а не со своими, не со стариками, женщинами и детьми...

- Кист замолчал.

- Вы знаете, мой муж погиб в самом начале войны, и у меня остались его документы, может они вам помогут...

- Евсеева достала из шкафа сверток, развернула его и отдала Кисту воинские документы мужа.

Кист взял документы, внимательно просмотрел их, и положил в карман, подошел к окну:

- Мне надо уходить, ... туман рассеивается.

Берс и Сати встали из-за стола, подошли к Кисту. Он обнял их:

- Берегите себя и никогда не забывайте, что вы

ингуши.

Кист и Евсеева вышли из дома.

На крыльце дома он попрощался с Марией Сергеевной и спустился с крыльца.

Казбек последовал за ним. Евсеева, глядя им вслед, перекрестила их.

Вскоре они растворились в тумане.

* * *

Цепь энкаведешников прочесывала лес, тянувшийся по ущелью. На окраине аула стоял дом лесника.

Несколько офицеров обыскали весь двор. Они побоялись подойти только к привязанной у крыльца огромной овчарке. Та не лаяла на незваных гостей, но страшно скалила зубы и рычала. Рядом с псом стоял Беркович и хмуро смотрел на энкаведешников. Те обыскали дом и, не обнаружив ничего подозрительного, вышли.

Один из офицеров, боязливо поглядел на пса, подошел к леснику:

- Беркович! Ты же интеллигентный человек, биолог, и должен понимать...

- Бывший биолог, - перебил его Беркович.

- Твердо обещаю, если хоть след этого абрека найдешь, вернешься в свой институт, и сына твоего досрочно выпустим. Так что твое еврейское счастье зависит только от тебя самого, - усмехнулся офицер и спросил. - А откуда этот волкодав? Раньше не было...

- Приблудный он.... После выселения ингушей их много бродит по округе,... - сказал Беркович.

Офицер как-то странно посмотрел на лесника, потом на скалившего зубы волкодава, резко развернулся и ушел.

Беркович, глядя вслед энкаведешникам, в сердцах проговорил:

- Как же, выпустят они...

* * *

Беркович вошел в дом, подошел к окну, посмотрел, что делают энкаведешники. Те уходили все дальше и дальше, вот и совсем скрылись из вида. Тогда лесник отодвинул ларь, стоявший в углу, и поднял две доски. Они скрывали лаз в подпол. Оттуда выбрался Кист.

Беркович покрутил ручку настройки репродуктора, висевшего на стене и напоминающего черную тарелку. Репродуктор затрещал, а потом голос Левитана сообщил обстановку на фронте и насколько продвинулись наши войска на запад.

- Что теперь? – спросил Беркович у Киста.

- Теперь? – переспросил Кист. – Теперь на фронт... Теперь я -Евсеев Владимир Сергеевич... - Кист показал документ Берковичу. – Теперь буду воевать за Родину... Без Сталина.

Мудрый Беркович только покачал головой и сказал:

- Вы ингуши, как дети... Доверчивые и наивные... Он быстро прошагал на кухню, достал из шкафчика початую бутылку водки, две рюмки и поставил их на стол.

- Давай, капитан Евсеев, выпьем по-русски, чтобы вернулся ты живым... Не знаю, как я, а Казбек тебя дождется.

Они, громко чокнувшись, выпили... Из черной тарелки, висевшей на стене, звучала уже песня: «Широка страна моя родная, много в ней полей, лесов и рек... Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек...

* * *

Орел парил над бархатной зеленью гор, где кое-где зацветал белоснежный кустарник. Кист поднялся к солнечному могильнику, отвалил камень, за которым была спрятана его гимнастерка и, расправив надел ее. Солнце заиграло на звездочках его погон, многочисленных боевых наградах. Кист погладил ладонью высеченный на камне святилища родовой герб – подошел к краю обрыва над пропастью, забросил туда автомат и зашагал вверх по тропинке.

Солнце клонилось к закату.

* * *

Осенью 1944 года маршалом Коневым была поставлена задача: «Форсировать реку Вислу и образовать мощный плацдарм западнее города Сандомир (юго-восток Польши)».

Темной осенней ночью разведчики капитана Евсеева, сдав ордена и документы в спецчасть, незаметно форсировали Вислу в районе города Сандомир и бесшумно сняли береговое охранение немцев. Евсеев посмотрел на часы и оглянулся: там, на оставленном разведчиками берегу, затянутом таинственной предрассветной дымкой, ждали условленного сигнала готовые к переправе части.

Евсеев достал ракетницу и выстрелил вверх: красная ракета взлетела над Вислой.

- За Родину! – перекрывая мгновенно начавшийся рёв артобстрела, прокричал Евсеев и бросился вперед к окопам первой полосы обороны немцев. Разведчики с ревом «ура!» рванулись за своим командиром.

Евсеев первым ворвался в окоп, на ходу стреляя из

автомата.

В тесноте окопа завязался кровавый рукопашный бой, где явный перевес был на стороне разведчиков. Расстреляв все патроны, Евсеев действовал автоматом как дубиной – перезарядить диск времени не было. Вскоре он отбросил автомат: тот разломился пополам от удара о «шмайсер», которым немец тоже орудовал как дубиной. В ход пошли ножи, кулаки, рвали друг друга зубами.

Тем временем наш десант вышел на исходные позиции, а несколько бойцов прыгнули в окопы на помощь дерущимся...

Евсеев боролся со здоровенным немцем, который норовил выдавить противнику глаза. Вдруг, подоспевший десантник, со всего маху нанёс фашисту удар прикладом автомата по голове.

Немец, как подкошенный, рухнул на дно окопа.

Евсеев оглянулся и посмотрел на своего спасителя.

- Кист? Эрзиев? Неужели ты? – вскинул руки десантник, - вот так встреча...

- Толмачев? Егор?!..

Они бросились навстречу друг другу, крепко обнялись и в это время взрыв накрыл их и всех, кто сражался рядом с ними.

* * *

Ночью два «Виллиса» подъехали к аулу и, еще не доезжая до него, выключили фары. Из машины начали выбираться энкаведешники и окружать дом Киста, прячась за плетеным забором.

- Товарищ капитан! – обратился к Нодману полупшепотом человек в гражданской одежде. Я выяснил. Это

Евсеева Мария Сергеевна. Тридцать пять лет, живет с дочкой. Муж погиб на фронте в сорок втором. Переселена из Рязанской области, село Горки. Ранее ни в чем предсудительном не замечена.

- Молодец, - сказал Нодман. – Представлю к награде. Ну, расходимся!

Одна группа из трех человек спряталась за сарай, вторая, во главе с Нодманом, подошла к крыльцу дома Евсеевой.

* * *

Евсеева проснулась, посмотрела на висевшие на стене «ходики».

Было два часа ночи. Она словно почувствовав что-то неладное, быстро встала, накинула халат и выглянула в окно. Две тени мелькнули за окном и притаились за плетнем.

Евсеева бесшумно пробежала в смежную комнату, где на полу спали Берс и Сати. Она разбудила их, свернула постель, отнесла в небольшой темный чулан и туда же отправила беглецов.

- Спрячьтесь за барахлом... и не звука. – прошептала она.

Потом к двери чулана подвинула серебристый кувшин, оставшийся от прежних хозяев. Вернулась в спальню. В это время раздался резкий стук в дверь.

- Открывайте! НКВД!

Дочь Евсеевой проснулась и испуганно посмотрела на мать.

- Дашенька. В доме мы вдвоем, запомни... - Мы одни с тобой...

Поняла? – шепотом сказала Евсеева. Девочка кивнула в знак согласия.

- Закрой глазки и лежи. И ничего не бойся...

Стук в дверь и крики продолжались.

Евсеева подошла к двери и открыла ее.

В дом ворвались несколько энкаведешников с автоматами в руках. Последним вошел в дом Нодман, держа на вытянутой руке пистолет.

- Эрзиев выходи! Сопротивление бесполезно... Дом окружен!..

- Нет здесь никакого Эрзиева... Здесь только я и дочка...

Дочка Евсеевой встала с постели, подошла к матери и прижалась к ней.

- Обыскать дом! – Нодман ещё дальше выставил свой пистолет.

Двое энкаведешников обыскали дом. Это были те же солдаты, которые когда-то конвоировали Берса и Сати. Первый солдат осмотрел свою сторону и доложил Нодману:

- Товарищ капитан с моей стороны все чисто...

Второй – солдат Петров задержался у чулана. Он отодвинул серебристый кувшин, приоткрыл дверь чулана, запалил спичку и увидел Берса и Сати, глядевших на него широко раскрытыми глазами.

Солдат внимательно посмотрел на Берса и Сати, конечно узнал их.

В это время послышался голос Нодмана:

- Петров! Чего копаешься?

Солдат Петров прикрыл дверь чулана, поставил на место серебристый кувшин, подошел к Нодману:

- Товарищ капитан! Все чисто... Нет здесь этого аб-река.

Трусливый Нодман не смог скрыть свою радость от того, что не встретил здесь такого опасного Эрзиева.

Он облегченно вздохнул, спрятал пистолет в кобуру и сказал Евсеевой:

- Смотри у меня! Если что, загремишь по полной! Си-ротой дочка останется!..

Он резко развернулся и вышел...

Евсеева ватными, отяжелевшими шагами подошла к двери и закрыла её, задвинув плотно щеколду.

Мария Сергеевна упала на колени перед иконой и на-чала креститься.

По ее щекам текли слезы...

Дашенька своей маленькой ручонкой пыталась уте-реть их...

- Берс, Сати! – позвала Евсеева сквозь слезы... Идите ко мне! - и прижала их всех троих к себе...

* * *

В просторной палате Сандомирского военного госпи-таля лежали перебинтованные с ног до головы два капита-на: Кист Эрзиев (он же Владимир Евсеев) и Егор Толмачев потомственный сибиряк.

- Спасибо тебе, Егор. Если бы не ты хана мне... Здо-ровущий немец попался, он меня чуть не придушил... Бе-ствия рыжая, шнапсом от него разило на весь окоп....

- Это же надо! Кист Эрзиев, где мы с тобой встрети-лись.... Считай, с 42 года не виделись. Вот чудеса...

- Егор... очень прошу тебя, не называй меня больше Кист Эрзиев... Я – капитан Евсеев Владимир Сергеевич.

- Почему так? Расскажи, что произошло?..

- Потом как-нибудь... Сейчас не время... - ответил Кист. – Ещё раз прошу, запомни: «Я Евсеев Владимир Сергеевич!» Так надо!..

- Война вроде к концу идет... - поменял тему разговора Егор Толмачев. Вот кончится она проклятая, поедем с тобой в твою Ингушетию, форель ловить... На Мать-Лом твою поглядим, на священную гору...

- Сколько раз тебе говорить, тайга ты сибирская, не Мать-Лом, а Мят-Лом. Пора бы запомнить.

Разговор двух друзей-капитанов прервал вбежавший в палату военврач.

- Все по местам! Лежать тихо и не стонать! Не материться... Скоро здесь будет маршал Конев.

И действительно минут через пять появился маршал в сопровождении двух офицеров из штаба и своих адъютантов.

- Здравствуйте, товарищи! – Конев поприветствовал госпитализированных.

- Здравия желаем, товарищ Маршал Советского Союза! – хором ответили больные в палате.

Адъютант подал Коневу какие-то бумаги. Маршал сам зачитал указы правительства о присвоении двум капитанам: Евсееву Владимиру Сергеевичу и Толмачеву Егору Александровичу звания Героев Советского Союза.

Маршал вложил каждому в раскрытые ладони по золотой звезде.

- Поздравляю! Носите с честью! – тепло произнес маршал.

- Служим Советскому Союзу! - дуэтом ответили награжденные.

* * *

Орел привычно парил над знакомым нам аулом. Да и аул почти не изменился за прошедшие годы. Только появилось новое здание администрации, на балконе которого красовался транспарант: «Сделаем 1957 год годом ударного труда!»

По улице пылила «Волга», которая притормозила около одного из домов. Из машины выбрался Кист. Он постарел, на погонах — две звезды подполковника, да и орденская планка стала внушительной. Три цветных лычки говорили о трех серьезных ранениях. Поверх орденской планки сверкала золотая звезда Героя.

Кист хромал, опираясь на палку. Солдат — водитель достал из багажника чемодан и понес его к дому, перегнав хромавшего Киста. Водитель поставил чемодан на крыльцо, отдал подполковнику честь и ушел к машине. Взревел мотор и «Волга» покатила дальше по улице аула.

Кист вошел во двор, осмотрелся. Все вокруг говорило о запустении: полусгнивший плетень, покосившийся сарай, дом с окнами, забитыми почерневшими от времени досками.

Кист присел на крыльце, посидел немного, но в дом не пошел. Оставив на крыльце свой чемодан, он захромал куда-то по улице...

* * *

Кист шел по улице аула, выходящей на площадь, где от памятника Сталина остался один облупившийся постамент.

Радио на телеграфном столбе передавало доклад секретаря Президиума ВС СССР А.Ф. Горкина на заседание

седьмой сессии:

- Товарищи депутаты! Вам известно, на 20-м съезде КПСС были отменены допущенные в прошлом отдельные факты грубого нарушения основных принципов Ленинской национальной политики Советского государства. Эти нарушения выразились в необоснованном выселении целых народов и установлении для них ряда ограничений в местах нового поселения...

Шел, прихрамывая на одну ногу, могучий седой красавец в гимнастерке с подполковничьими погонами и многочисленными орденами и медалями, сверкавшими на солнце.

Вдруг, у плетня в дорожной пыли Кист заметил поблескивающий кусочек белой эмали. Он поднял его, ладонью стер с креста грязь и положил в карман гимнастерки.

* * *

В доме лесничества постаревший Беркович ругался по телефону:

- Война уже почти двенадцать лет как закончилась, а ты мне все о трудностях...

Он вдруг замолчал и повесил трубку, потому что увидел хромящего военного, который направлялся к его дому.

Казбек совсем старый и слепой вдруг поднялся из своего угла и пошел к двери, как-то странно урча.

- Ты-то куда Казбек? – сказал Беркович, открывая ему дверь. – Выходил же недавно...

Но слепой пес, еле передвигая лапами, вышел на крыльцо, к которому подошел Кист.

При виде Казбека он улыбнулся, как улыбаются, уви-

дев близкого родного человека.

Из глаз слепого пса, потекли слезы... Казбек лизнул своим шершавым языком протянутую к нему руку Киста и медленно осел на крыльцо...

Кист погладил Казбека по голове, но тот не ответил на ласку: он был мертв.

- Вот и дождались мы тебя, Кист Эрзиев... - сказал Беркович, - Я и твой верный Казбек.... А дети и Евсеева в Рязани, адрес у меня есть...

Они похоронили Казбека недалеко от дома лесника под большой раскидистой чинарой. Постояли, помолчали, смахнули наверхнувшиеся слезы и выпили по чарке водки, не чокаясь. Как и положено.

* * *

Евсеева Мария Сергеевна, подоткнув юбку, трудилась в огороде, когда скрипнула калитка, и к ее дому подошел Кист Эрзиев. Евсеева застыла от неожиданности и выронила кувшин, которым поливала грядки. Она узнала его. Они, долго молча, смотрели друг на друга. Кист пришел в себя первым и шагнул к Евсеевой, а та стояла и не могла сдвинуться с места, словно у нее отнялись ноги.

А потом, вытирая рукой выступившие слёзы, крикнула:

- Дети!

На крыльце появились повзрослевшие на тринадцать лет Даша, Берс, Сати и десятилетний мальчик...

- Он вернулся ... Живой... - только и сказала Евсеева...

Первые лучи восходящего солнца упали на священную гору и вершину ее Мят-Лом. В обрамлении облаков она, казалось, парила в воздухе, как если бы была невесомой.

Кист, Сати, Берс и десятилетний мальчик стояли на самом краю плоского как стол плато и смотрели с высоты трех тысяч метров на раскинувшиеся внизу предгорные равнины, пытаясь увидеть море.

- Это Мят-Лом - священная гора ингушей, - сказал Кист, полной грудью вдохнув пьянящий горный воздух. - Она первая встречает приход солнца на нашу землю... На ней стоят три древнейших святилища: Мятцил, Мятар-Дяла, Сусон-Дяла... В хорошую погоду отсюда можно увидеть Каспийское море.

- Море! – вдруг закричал мальчик, указывая на горизонт.

- Да! Ты прав, мой маленький тезка, это море!..

И действительно, все увидели блестящее на горизонте море и поднимающийся из воды огромный оранжевый шар.

Они долго стояли на священной горе, глядя на раскинувшуюся под ними прекрасную страну, их страну, а рядом в облаках парил орел, как парил над этой священной горой такой же орел сотни лет назад...

Москва - Магас
2013

